

ЗМЕЯ ПОДКОЛОДНАЯ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА
ВЕК МЕЧЕЙ

Галина Баева
2014

Лучше не лезть, где Верность и Честь
Согласно проклятью, сидят
Тебя же вдвоем замучат живьем
Блудница сия и Прелат

Р.Киплинг

По разбитой дороге, пустив коней шагом, ехали двое всадников, один – впереди, как положено рыцарю и господину, второй – следом, как положено верному оруженосцу. Им некуда было торопиться, никто их нигде не ждал. Первый сидел на великолепном рыжем жеребце, высоком, с широкой грудью и крутыми боками, привыкшем нести на себе тяжеловооруженного седока, конь второго – похуже, но тоже сильный и выносливый. За ними, в поводу шла выючная лошадь, которая везла на себе весь их скарб. Да, все нажитое младшим сыном маркграфа Этельреда Джеральдом за семь трудных лет вдали от родного дома могло поместиться в одном сундуке. Но под поношенным латаным плащом поблескивала сталь кольчуги тройного плетения, а к поясу был подвешен меч немалой длины в дорогах ножнах. Его звали Глитнир – Сверкающий, и он был таким же верным товарищем странствующему рыцарю, как породистый кастильский жеребец Огонек или оруженосец Хэмминг – дары отца и память о родном Хэрворде, где он не был с того дня, как имение отошло старшему брату. Магнус получил по завещанию Хэрвордскую марку, а он, Джеральд, всю доблесть и славу, которую сможет стяжать в этом мире. И он совершил немало подвигов, вот только нигде не нашел себе сюзерена. Судьба, словно в насмешку, гоняет его от одного владетельного сеньора к другому. Из Нибермейра в Лоннуа, потом Кастилия.... Не смея заглянуть в будущее, Джеральд вспоминал прошлое. Ему было, что вспомнить.

После неудачного турнира, когда Хэмминг отдал чуть не все деньги господина в качестве выкупа, Джеральд долго болел. К зиме они подошли с почти пустым кошельком и свободные, как ветер в поле. Джеральд пытался предложить свои услуги некоторым владетельным сеньорам, но везде получал отказ. Это было первая зима, которую они провели вне стен родного замка. Без золота, без помощи родственников, никому не нужные. Что бы как-нибудь продержаться, а главное, не потерять коней, Джеральд продал золотые браслеты и цепь. Хэмминг, более привычный к ячменю и вареной брюкве, переносил голодовку легче своего господина, которому такая еда с малолетства не лезла в горло. Он мечтал о мясе, большом, жирном, сочном куске жареного мяса, и тихо страдал, понимая, что не может себе этого позволить.

Зима выдалась холодная, снежная и затяжная. К весне цены на овес выросли до сумасшедших величин, так что почти весь денежный запас ушел на прокорм коней. Джеральд даже слышать не хотел о продаже Серко, полагая, что как-нибудь они перебьются до свежей травы, а с одним конем – все равно, что совсем без коня. Вот тогда, в начале голодного апреля, случай привел их в Эрль, к замку герцога Лоннуа.

Джеральд попросился переночевать. К его удивлению, их приняли. «Хороший знак», – подумал Джеральд, решаясь проситься на службу. Ну, выгонят, дальше поеду. Хоть посмотрю на этого герцога. Фортуна действительно начала приоткрывать лицо, потому что герцог выразил желание побеседовать с приехавшим рыцарем. Правитель Лоннуа оказался маленьким сухоньким старичком с острой лисьей мордочкой выступающим подбородком. Мутные глаза непонятого цвета сквозь сеточку морщин внимательно рассматривали замершего в учтивом поклоне рыцаря. Герцог приветливо кивнул, пригласил Джеральда сесть и изложить просьбу. С первого взгляда было ясно, что нет у приехавшего рыцаря ни кола, ни двора. Одежда безупречна, но голодная зима

оставила свой отпечаток на его внешности. Бледное лицо, запавшие щеки, круги под глазами. И все же, движения полны уверенности, а речь – достоинства. «Ничего, молодец, – думал герцог, – неплохо держится. Только, куда его? Ворота охранять? Не годится. Все-таки, сын маркграфа, пусть и младший. Земли лишней нет. Чего я смогу ему обещать? Он молодой, пусть едет с язычниками воевать. Гляди, отвоюет себе баронство, а нет – значит судьба его такая». Несмотря на свое решение, герцог продолжал задавать вопросы. Джеральд отвечал, но по тону чувствовал, что и здесь ничего не выйдет. Герцог размышлял, разглядывая рыцаря. Вежливо выставить его не составляло труда, но что в том интересного? Герцогу хотелось развлечений, а их так мало оставалось для его слабого тела. Когда-то он сам выходил на ристалище, и от мощного удара его копыя лопались ремни на щитах, а сейчас.... Осталось на других смотреть.

– Не соблаговолите ли вы, сударь, показать ваше искусство владения оружием в поединке с любым из присутствующих здесь рыцарей? – сделал герцог хитрый заход. Откажется – вон его, а согласится, – будет развлечение.

Джеральд окинул быстрым оценивающим взглядом свиту герцога. Неслабые мужи, а он зимой больше думал о куске хлеба, чем о мече, и все же.... В Хэрворде были мужи и покрепче. Даже Хигелак, внук Сигурда, отмечал Джеральда, а он был первый рыцарь в марке. Взять бы сейчас Глитнир! Сердце гулко забилося в груди, перегоняя застоявшуюся кровь.

– В пешем или конном бою, Ваша Светлость? – спросил он, а глаза светились от предвкушения боя, а голос помимо воли взлетел вверх. Вот оно – истинное счастье: встретиться в поединке со славным мужем. Тогда чувствуешь всю прелесть жизни, тогда – живешь, а не прозябаешь.

Герцог вспомнил, что на дворе – пронизывающий весенний ветер, хрусткий талый снег, от которого так и веет холодом, и сделал выбор.

– В пешем бою. Вот, с мессером Вольфгангом.

Герцог хотел быть справедливым. Вольфганг был не намного старше Джеральда, так что никто не скажет, что противники были не равны.

Джеральд внимательно посмотрел на поднявшегося рыцаря. Он был ниже его, но столь же широк в плечах. Недюжинная сила сквозила в толстой шее, сильных руках, развороте плечей. Вольфгангу стало не по себе под этим пристальным оценивающим взглядом. «Так смотрит волк на овцу перед тем, как вцепиться ей в горло», – мелькнула у него мысль.

– Достойный муж, – наконец проговорил Джеральд, и рыцари вместе с герцогом обомлели, не зная смеяться ли им над этим замечанием как над веселой шуткой, или возмущаться, как над оскорблением. Достойный для кого? Для этого бродяги? Джеральд встал со скамьи.

– Разрешите мне, Ваша Светлость, удалиться, дабы одеться, как пристало для боя.

– Проводите, – распорядился герцог.

Джеральд снова вошел в залу, звеня кольчугой. Он сразу отметил, что в броне не один Вольфганг, а еще двое. Это что же, с тремя предлагается биться? Но Джеральд никогда не шел на попятный. С тремя, так с тремя. В конце концов, учебный бой на тупых мечах. Им подали оружие, и все мысли отступили. Джеральд прикрылся щитом, рука ощутила привычную тяжесть меча. Хотя, нет, Глитнир намного тяжелее. Давай, Вольфганг, начинай! Герцог дал знак, и рыцари медленно пошли навстречу друг другу.

– Хаой, Вольфганг! Покажи этому бродяге! Наломай ему бока! – подбадривали своего бойца зрители.

Джеральд был здесь чужаком, и рассчитывать мог лишь на справедливость герцога да на свою силу и ловкость. Удар! Как Джеральд и ожидал, Вольфганг начал первым. Рука со щитом взметнулась навстречу, отражая нападение. Нет, Джеральд ничего не забыл.

Меч ударил о щит. Джеральд замахнулся в свою очередь, но Вольфганг легко ушел от удара и опять напал на Джеральда. Джеральд вновь прикрылся щитом. Нет, он не мог рисковать. Он должен победить Вольфганга, а как же иначе? Вольфганг нападал все яростнее, стремясь как можно быстрее покончить с наглым бродягой, но вновь и вновь меч ударялся о щит. Джеральд пытался перехватить инициативу, но Вольфганг опять загонял его в оборону. «Был бы со мной Глитнир, а не эта игрушка, я быстро бы сбил с него спесь, – думал Джеральд, – но ничего, пусть побеждает, скоро он не так размахивать будет». Они топтались друг вокруг друга довольно долго. Вольфгангу никак не удавалось пробить оборону Джеральда, а Джеральд не мог нанести решительный удар Вольфгангу. Тот тоже прекрасно оборонялся.

– Аой, Вольфганг! Бей! Круши ребра щенку! – кричали рыцари.

Вольфганг сделал еще один рывок с отчаянной решимостью одолеть соперника. Мечи скрестились. Вольфганг пытался выбить оружие из рук, повернув меч. Джеральд отступил в сторону, мягко отводя меч, а Вольфганг сделал шаг вперед. Джеральд оказался сбоку, и тут же, пока противник не восстановил равновесие, ударил его по шлему. Вольфганг словно напоролся на препятствие. Крики мгновенно стихли, и только герцогиня, которая незадолго до того вошла в залу и остановилась за тронном мужа, воскликнула:

– Ах! – то ли восхищаясь ударом Джеральда, то ли сокрушаясь о своем фаворите.

Герцог поспешил прекратить сражение. В зале стояла тишина. Джеральд опустил меч. К Вольфгангу подскочили слуги и оруженосцы, помогая ему добраться до лавки. Джеральд сквозь щель в забрале видел, как усаживают Вольфганга, снимают с него шлем, подают кубок. Но отдохнуть Джеральду не пришлось. С лавки поднялся второй рыцарь, и герцог махнул рукой, начиная новый поединок. «Проклятие! – мелькнула мысль у Джеральда. – А там еще и третий, а потом и четвертый появится. Долго я с Вольфгангом возился, с этим надо быстрее кончать».

– Аой! – опять закричали в зале, и звон железа возвестил о начале боя.

Джеральд не сильно устал, первый поединок помог разогреть мышцы и обрести уверенность в себе. Джеральд не отсиживался в обороне, он перехватил инициативу, и уже его сопернику пришлось отбиваться.

– Неплохо, – бормотал себе под нос герцог, наблюдая за ходом сражения.

– Кто этот рыцарь? – спросила его герцогиня. Она была недовольна, что ее не позвали посмотреть на единоборство.

– Джеральд сын Этельреда, – вяло откликнулся герцог, – странствующий рыцарь. На службу просится.

– Он молод? – в глазах у герцогини зажегся хищный огонек. Она оценила стати этого молодца, но ее интересовал и возраст.

– Даже слишком, – герцог был настолько увлечен боем, что говорил не думая, – осенью ему исполнилось девятнадцать.

– Ах! – герцогиня не смогла удержаться. Статный молодой рыцарь. В самом расцвете юности. Дрожь побежала по ее телу. Он будет ее. – И ты еще о чем-то думаешь! – воскликнула дама! – Ты совсем не заботишься о моей безопасности! Мне нужен телохранитель. Чтобы он охранял мой покой!

Герцог поднял голову, глядя на жену. Она с вожделием смотрела на нового рыцаря. «Вот кошка! – подумал он. – Все ей мало!» Впрочем, пусть развлекается. И он развлечется. Герцог сделал жест рукой, останавливая бойцов.

В тот же день Джеральд дал клятву на верность герцогу, а уже на следующий его пригласили к герцогине. Пока он переодевался, выбирая платье получше, замковые рыцари давали ему весьма недвусмысленные советы:

– Ты, главное, не теряйся. Ее Светлость любит решительность, правда, Вольфганг?

Вольфганг недобрым взглядом смотрел на Джеральда, понимая, что отодвинут на второй план. Надо же было вчера так обесславиться! Правда, если честно, малый умеет держать меч в руках, и силы ему не занимать. Одна надежда, что он скоро надоест Ее Светлости, и она опять призовет Вольфганга. Так бывало. Самый искусный на войне не всегда самый искусный в любви.

Когда Джеральд вошел в покой Ее Светлости, герцогиня отложила вышивание, встала и, улыбаясь, пошла ему навстречу, протягивая руку для приветственного поцелуя. Джеральд ткнулся губами в кисть, увешанную дорогими перстнями, и учтиво поздоровался. Герцогиня смогла вблизи разглядеть молодого рыцаря и сочла, что не ошиблась в своем выборе. Джеральд не смотрел на знатную даму, стараясь вести себя скромно. Герцогиня подвела его к скамье, усадила и сама расположилась рядом. Она чувствовала напряжение гостя, видела его настороженный взгляд. Конечно, он волнуется. Она тоже волнуется. Первые минуты самые тягостные. Но не надо спешить. Все должно быть естественно.

– Расскажи мне о себе, Джеральд, – томным голосом пропела герцогиня. – Я слышала, ты сражался под Геттесьером?

– Да, – Джеральд немного расслабился. Это просто куртуазный разговор! Дамы любят беседовать с приехавшими издалека рыцарями. – То была славная битва.

Джеральд увлекся рассказом. Герцогиня внимательно слушала, не перебивая, с восхищением глядя на него. Служанки потихоньку выскальзывали из покоя, так что через некоторое время герцогиня осталась наедине с гостем. Час пробил!

– Как это чудесно, Джеральд! – воскликнула герцогиня. – Ты настоящий герой! Я поняла это сразу, как увидела тебя. Не то, что старый чурбан – мой муж, который что-то думал да размышлял. Я ему сразу сказала: где ты еще найдешь такого рыцаря? Он стоит любых двоих из твоей дружины. Конечно, герцог меня послушался. Он всегда и во всем меня слушается.

– Вы преувеличиваете мои достоинства, Ваша Светлость, – Джеральду не понравилось ни фамильярное обращение герцогини, ни грубая лесть. Фальшь вызвала напряженность, которая грозовой тучей повисла в зале. Вдобавок, Джеральд заметил, что они остались одни. «Пора раскланиваться», – понял он, но дама опередила его.

– О да, скромность украшает воина, – герцогиня смотрела страстным взглядом прямо в глаза Джеральда, наклонясь к нему.

«Как она омерзительна, – подумал Джеральд, – сморщенная и скользкая, как лягушка». Он с трудом подавил в себе желание оттолкнуть герцогиню, сильно толкнуть, чтобы она летела по всем лавкам до противоположной стены. Герцогиня смотрела на него влажным взглядом, и под этим взглядом озноб пробегал по коже и странная оцепенелость сковывала члены. «Колдунья!», – с ужасом понял Джеральд. В памяти пронеслись отрывки жутких рассказов, как за одну ночь ведьмы высасывали жизненные силы молодых парней, превращая их в немощных старцев. Неужели и ему уготована такая же участь?! Герцогиня протянула к нему руки, белые, холеные, они показались Джеральду отвратительными. Он содрогнулся, ощутив холодную липкость пальцев на своей шее. Дама расстегнула заколку плаща, он сполз с его плеч и упал на лавку, оставляя юношу в рубашке. Не Бог весть что была та рубашка, но остальные были еще хуже.

– Как! Мой старый скряга не дал тебе нового платья! – воскликнула герцогиня. – Обо всем приходится заботиться самой!

– Я не заслужил, – глухо проговорил Джеральд. Наваждение начало сходиться, но озноб затаился где-то внутри.

– Глупости! – отрезала герцогиня. – Я сама сошью тебе рубашку. Из шелка. И ты затмишь всех рыцарей своей красотой. Ах, сколько дам проливали слезы от любви к тебе!

У Джеральда опять захолонуло сердце, а в ушах зазвенели строки:

Олав, танцуй со мной до упаду,
Сорочку из шелка получишь в награду.
Из лучшего шелка сошью я сорочку,
Что мать отбелила в лунную ночку.

– Я благодарю, вас, Ваша Светлость, за такую заботу, но я, право, не стою...

Джеральд сделал попытку подняться, но герцогиня преградила ему путь. Ее начало раздражать упрямство Джеральда. Неужели он ничего не понимает? Придется потратить больше времени.

– Глупости! – повторила герцогиня. – Моя первейшая обязанность заботиться о платье моих вассалов. Подожди, я сейчас сниму мерку.

Джеральд не знал, как ему вежливо отделаться. Ее вассал! Ей он клятву верности не давал, а герцог вряд ли будет в восторге, узнав, как Джеральд охраняет его супругу. Вылетишь за милую душу. А то отберут и коня, и доспехи, и Хэмминга в качестве штрафа. В том, что герцогу все станет известно, Джеральд не сомневался. Трудно сказать, как поступил бы Джеральд, узнай он, что герцог развлекается тем, что подглядывал за своей благоверной. Об этой страсти сеньора знали лишь пара доверенный слуг, и даже герцогиня ни о чем не подозревала, считая своего мужа олухом.

После снятия мерок, Джеральд вернулся к себе выжатый, как виноградная гроздь. Рыцари, глядя на его усталое, посеревшее лицо, похихикивали, а Вольфганг с ненавистью смотрел на нового фаворита. Джеральду было ни до кого. Он послал Хэмминга за вином и пил весь вечер, пока не свалился в стельку пьяный. Хэмминга охватила тревога: господин никогда так не пил. Какое горе он заливает? Начало службы не сулило ничего хорошего.

Герцогиня продолжала мучить Джеральда.

– Какие у тебя широкие плечи! Какие сильные руки! Ты мог бы поднять меня одной рукой. Я бы взлетела, как перышко!

Джеральд делал вид, что не понимает намеков, думая, что когда проклятая рубашка будет готова, он швырнет ее в огонь, дабы избавиться от колдовского наваждения.

– Посмотри на меня, Джеральд, – в отчаянье говорила герцогиня. – Неужели я тебе не нравлюсь?

Джеральд видел женщину далеко не первой молодости. Сеточка морщин на коже. Дряблая шея. Отвислые щеки. Намечающийся двойной подбородок. Может, когда – то она и была красива, но эти времена давно прошли.

– Вы очаровательны, – цедил сквозь зубы Джеральд.

– Что же тебе мешает, милый?

Милый! Пусть своему старику – герцогу в любви объясняется и рубашки шьет, пропади она пропадом!

– Я боюсь герцога, – говорил Джеральд, – он меня изведет. У меня нет ни друзей, ни покровителей.

– Я буду твоей покровительницей, – глаза герцогини вспыхивали. – Подойди ко мне! Герцог – скряга, он дает маленькое содержание. Возьми браслет. В нем на марку золота, да еще самоцветы.

Только этого не доставало – дары принимать. Потом не расплатишься.

– Вы очень щедры, Ваша Светлость, но владейте своим добром и далее. Не пристало мне носить дорогие украшения.

– Джеральд! – вновь начинала приставать герцогиня, – ты любишь кого –нибудь? Скажи, кто твоя счастливая избранница?

«И я изведу ее лютой смертью», – добавляет про себя Джеральд, но вслух говорил:

– Нет, мое сердце свободно.

– Значит, у меня есть надежда? – глаза герцогини заволакиваются поволокой.

– Я не могу обещать, – отвечает Джеральд, думая со злостью: «Какая надежда, бабушка. У тебя одна надежда, дожить до будущей весны».

Джеральд был не совсем прав, герцогиня была не столь стара и годилась ему, скорее, в матери, но для Джеральда не имел значения ее реальный возраст. Он знал, что она – ведьма. Он чувствовал, что выходя из ее покоя, он слабеет телом, так что не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, и ни мясо, ни вино не восстанавливают уходящих сил.

Герцогиня изнемогала от страсти. Воображение рисовало ей сладостные картины: Джеральд стискивает ее в объятиях могучими руками, потом несет на ложе. И кружилась голова, и тело горело, будто в огне от нестерпимого желания. «Дурак! Болван! Тупица!» – герцогиня кусала подушки и рыдала. Она была готова на самые крайние меры, и единственное, что ее удерживало – это надежда на колдовскую рубашку, которую она расшивала руническими заклятиями. Три бабки – ведьмы читали над той рубашкой заклинания, окунали ее в заговоренную водицу и окуривали волшебными травами.

– Не волнуйся, госпожа, – успокаивали ее колдуньи. – Наденет он рубашку и запылает в нем любовь, и будит жечь его, как огонь жжет сухие листья. Сей же час он придет к вам, будь то днем или ночью, и будет в полной вашей власти.

Герцогиня еще не знала, как накажет Джеральда за то, что он заставил ее так долго страдать. Сперва она утолит свою страсть, а так будет видно. Оставалась одна забота: рубашку надо было всучить Джеральду, а потом заставить ее надеть. С этой целью был разработан детальный план: готовую рубашку герцогиня отнесла мужу с просьбой одарить сэра Джеральда, когда он сочтет нужным. Герцог, который был в курсе всех дел, позволил упросить себя. Джеральд получил рубашку в награду после охоты, на которой он спас товарища, успев сунуть в клыкастую пасть вепря свой щит. Брызнули щепки, но тот копьём с широким наконечником ударил зверю в глаз. Об этом долго говорили на пиршестве. Герцог вручил Джеральду сверток с присловьем, чтобы на следующем пиру на молодом рыцаре была обнова.

Наутро Джеральд распаковал сверток. Боже! Белейшего шелка рубашка лилась золотом вышивки. Хороша! Но чем дольше он в нее вглядывался, тем меньше она ему нравилась. Герцогинина работа, точно! Она же все уши прожужжала об этой рубашке. И узор я видел, как она вышивала...

Рыцари столпились вокруг поглядеть на герцогский подарок. Восхищение дорогой вещью и зависть читались на их лицах.

– Джеральд, будешь, как принц ходить.
– Давай, примерь, впору ли придется.
– Наверное, впору, – отнекался Джеральд и подозвал Хэмминга, чтобы он свернул рубашку.

– Что же сейчас не оденешь? – приставали рыцари.
– Дураком надо быть, чтобы такую вещь занашивать, – отмахнулся Джеральд. – Его Светлость сказал: на пир!

– Верно, – согласились с Джеральдом его товарищи.

Вечером Джеральд отозвал Хэмминга подальше от лишних глаз.

– Видел утром рубашку?

Хэмминг кивнул, не понимая, к чему такая таинственность.

– Сожги сегодня же.

– Как?! – вырвалось у Хэмминга.

– В огне, – пояснил Джеральд.

– Да в ней шелка – больше шести локтей! – Хэмминг не верил собственным ушам.

– Я сказал – сжечь! – повысил голос Джеральд. – И чтобы ни куска не осталось.

Ясно?

Хэмминг склонил голову в знак покорности. Господина он привык слушаться. Джеральд продолжал:

– Только по – тихому. Чтобы никто не видел.

– Угу, – согласился Хэмминг, прикидывая, как это лучше сделать и не попасться.

Попробуй, объясни слугам герцога, что за костер ты палишь глубокой ночью и зачем. Лучше всего нарезать ее длинными лоскутами и сделать фитилей для факела. Жалко шелк на фитили переводить, но с господином не поспоришь. Он и так придирчивый и злой стал, хуже, чем в последнюю зиму в Хэрворде. Хэмминг забрал сверток с изделием герцогини, после чего оно исчезло, будто его и не было.

Герцогиня ждала целую неделю, но было незаметно, чтобы Джеральд переменял свое отношение к ней. Он оставался холоден, как глыба льда. В гневе она призвала бабок – колдуний, но они клялись и божились, что сделали все как надо, а ежели он рубашку не одевал, так то не их вина. Герцогиня приказала высечь колдуний, но призадумалась. В их словах вполне могла скрываться доля истины и надо бы разузнать о рубашке. Она выбрала удобный момент и в присутствии герцога спросила, почему Джеральд пренебрегает даром сюзерена? Герцог тоже вопросительно уставился на молодого рыцаря, а Джеральду захотелось удушить герцогиню собственными руками здесь же, сию минуту. Сказать правду Джеральд не мог: кто он такой, чтобы обвинять госпожу в колдовстве. Солгать, что рубашка лежит в сундуке – еще хуже, потребуют, чтобы он пошел и переделался. Джеральд вздохнул: будь что будет.

– Мне стыдно признаться, но мой слуга по нерадивости своей загубил рубашку, пролив на нее горящее масло, о чем я скорблю уже неделю. Я примерно наказал негодника, но если голова тупая, топором ее не заострить.

Герцогиня вскрикнула и упала в обморок. Два месяца ее трудов и надежд рассыпались прахом. Джеральд остолбенело смотрел на госпожу: он никак не ждал такого. Герцог рассвирепел. Он никогда не любил свою жену, но издевательства допустить не мог:

– Сударь, я требую, чтобы вы завтра же отправились в ... – герцог назвал дальнее сенешальство на границе владений с язычниками. – Я дам вам письмо к сенешалю, там вы поступите под его руководство.

– Я рад служить Вашей Светлости, куда бы вы меня не послали, – просто ответил Джеральд.

На его лице не было и тени раскаянья. Пока герцогиню отливали водой, Джеральд пошел отдавать распоряжения Хэммингу. На утро они покинули Валленштейн, как Джеральд думал, навсегда.

Мечте Джеральда не суждено было сбыться. Герцогиня совершенно не было довольна решением своего мужа. Сначала она смирилась, считая, что время излечит боль утраты, и предалась своим обычным утехам, но прежней радости не было. Она тосковало по Джеральду. Она хотела видеть его, слышать его голос, а он где – то далеко воюет с язычниками и не вспоминает о ней. Герцогиня не могла ни есть, ни спать, даже Вольфганг ей опротивел. Она хотела Джеральда. Герцог не стал возражать супруге. Он решил, что события даже интереснее, чем он предполагал вначале, и послал требование Джеральду вернуться. Три месяца пролетели, как один день. Джеральд с тоской распрощался со своими новыми товарищами. В Валленштейне его ждала герцогиня, и сомнений в том не было. В недобрый час дал он клятву верности.

Предчувствия Джеральда полностью оправдались. В день приезда герцогиня пригласила его к себе. За лето Джеральд отъезжая, отдохнул и еще больше похорошел. Исчезли темные круги под глазами, лицо дышало юной свежестью, а гладкая кожа щек так и манила прикоснуться губами.

– Как я рада видеть тебя, Джеральд, – счастливо проговорила герцогиня, устаиваясь рядом с рыцарем.

– Я тоже рад вас видеть, Ваша Светлость, – сдержано ответил Джеральд.

Герцогиня с искренним восхищением рассматривала юношу, и под этим взглядом Джеральд не знал куда себя деть, ощущая сильную неловкость.

– Я очень тосковала о тебе, Джеральд, – продолжала дама, и глаза ее начала окутывать поволока, – а ты, – она сделала паузу, – вспоминал обо мне?

– Я выполнял свой долг, – ушел от ответа Джеральд. Тоска сжала сердце, ему не хватало воздуха, словно удавка затянулась на шее, он пытается вырваться, бьется в конвульсиях, но петля затягивается все туже и туже.

– Да, ты воевал с язычниками. Я каждый день молилась за тебя.

Герцогиня придвинулась вплотную к Джеральду. Ее дыхание горячей волной обдало его лицо, даже через рубашку он чувствовал жар ее тела, и невыносимым становилось ее присутствие, до тошноты, до желудочного спазма.

– Я очень признателен вам, Ваша Светлость, – выдавил из себя Джеральд.

Герцогиня вдруг опомнилась. Джеральд сидел мрачный и напряженный, губы сжаты, во взгляде – окаменевшая решимость. Какая тут любовь. Пусть мальчик немного расслабится. Дама встает.

– Джеральд, хочешь посмотреть платье, которое я сшила специально к твоему приезду?

Не дожидаясь ответа, она раскладывает на скамье парчовое одеяние, сплошь расшитое золотом и дорогими камнями.

– Тебе нравится?

Джеральд некоторое время разглядывает платье. Женское. В подарок не навяжет.

– Замечательно. Ваша Светлость, вы непревзойденная рукодельница.

Герцогиня тает от похвалы, не замечая сухости в голосе.

– Тебе нравится! – вновь повторяет она. – Сейчас я примерю его, и ты посмотришь, как оно сидит.

Джеральд подсакивает с лавки:

– Я позову служанок.

Но выйти из залы не успевает. Герцогиня преграждает путь:

– Прошу, Джеральд, не надо, – она складывает руки на груди, а в глазах читается мольба. – Мне так надоели их глупые лица. Мы прекрасно обойдемся и без них.

Джеральд некоторое время стоит, потом медленно опускается на лавку. Даму не обойдешь, если только с ног сшибить. Остается подчиниться.

– Помоги расстегнуть застежку на плаще, – просит герцогиня.

«Нет уж. Сама справляйся», – со злобой думает Джеральд.

– Прошу прощения у Вашей Светлости, но как бы я своими грубыми руками не сломал хрупкую вещь. Не приучен я к тонкой работе. Мое дело – меч да копье.

Джеральд поднимает с колен свои огромные лапища, поворачивает их ладонями вверх, показывая сухую корку мозолей. Герцогиня недовольно передергивает плечами, но застежку расстегивает сама. Лучше не доверять ценностью, коль предупредил. Но сколько в нем силы! На руках танцевать можно. Герцогиня скидывает плащ, надевает парадное платье. Блестит золотом вышивка, сверкают камни. Платье действительно великолепно. Джеральд невольно залюбовался на игру самоцветов. Герцогиня, заметив, как разгладилось его лицо, ужом проскальзывает к нему.

– Джеральд, будь добр, затяни шнурки на спине, – голос герцогини сладок до приторности.

Джеральд оглядывается по сторонам, хотя знает, что поддержки ждать не от кого. Сам влип, сам и выпутывайся.

– Я не умею, Ваша Светлость.

– Просто завяжи на узел. Что тут сложного?

Герцогиня крутится спиной перед Джеральдом, оглядываясь через плечо, наблюдая за произведенным впечатлением. Лицо Джеральда заливает краска. Он затягивает шнурки так, что дама едва может вздохнуть.

– Ты просто прелесть, Джеральд, – герцогиня смотрит на молодого рыцаря, который не знает, куда себя деть от стыда. Она сияет: вот и добилась своего. Добьется и другого.

– Давай посмотрим, какое ожерелье лучше подойдет к платью?

Она достает ларчик. Джеральд красный как вареный рак даже не смотрит в ее сторону, а герцогиня щебечет:

– Может, золотую цепочку? Она не потеряется, как ты считаешь, Джеральд?

– Не знаю, – у Джеральда оставалось единственное желание – поскорее уйти, но у сеньоры другие планы.

– А это рубиновое кольцо не выглядит слишком грубо? Может лучше изумруд?

Низки камней льются в руках. Герцогиня прикладывает к шее то одно, то другое. Джеральд смотрит не столько на ожерелья, сколько на складки жира, которые перекатываются под морщинистой дряблой кожей. Волна отвращения вновь накатывает на него. Он ненавидит себя, герцогиню, весь мир. Схватить бы ее за горло, сжать руками, почувствовать, как уходит, трепыхаясь, жизнь из этой мерзкой оболочки.

– Нет, жемчуг лучше. Правда, Джеральд? Застегни крючок, а то я никак не достану.

Герцогиня поворачивается к рыцарю спиной, придерживая руками концы, Джеральд сумрачно берет их. Ожерелье змеей оборачивает шею. Потянуть потуже, какая малость. Крючок застегнуть. Джеральд тянет нитку, сильнее...

– Джеральд! Медведь такой! – вскрикивает герцогиня, хватаясь за ожерелье. Нитка лопается.

– Ах! – визжит она, а Джеральд тупо смотрит, как дождем сыпется на пол скатный жемчуг.

Джеральд недолго пробыл в Валленштейне. В ответ на приставания герцогини он стал грубить и хамить, на самые невинные замечания отвечал резкостью. Он чувствовал: проклятая ведьма высасывает из него жизненные силы, но ничего не мог поделать. Неудовлетворенная страсть превратила герцогиню в фурию. Она драла своих служанок, вымещая на них злобу, и разогнала бабок – колдуний, которые не могли приворожить

Джеральда. Отчаявшись, герцогиня потребовала сплавить неудавшегося любовника с глаз долой, и Джеральд опять отправился в знакомое сенешальство. На этот раз отдыхать пришлось меньше. Только он стал забываться, и перестали сниться кошмары, от которых он просыпался в холодном поту, а потом долго не мог уснуть, пялясь в темный потолок, как прибыл посыльный, требуя Джеральда назад.

Мрачнее темной тучи ехал Джеральд в Валленштейн, не сомневаясь, что герцогиня своим колдовством изведет его. Черные мысли лезли в голову: остановить коня, развести костер на снегу и ждать, когда погаснет огонь, и стая волков начнет рвать его на части. Потом снег закроет следы грызни пуховым одеялом, и никто никогда не узнает, как он пропал. Но Джеральд не хотел умирать. Он хотел жить и радоваться жизни: есть до отвала, одеваться в нарядные платья, любить красивую даму.... А воображение рисовало герцогиню, и черная тоска наваливалась на грудь. Пропади все пропадом.

Весь замок, затаив дыхание, ждал развязки. Герцогиня откровенно домогалась любви Джеральда, а его трясло от одного упоминания ее имени. Ничего не добившись, герцогиня потребовала от герцога отослать постылого Джеральда куда – нибудь подальше. Джеральд уезжал с надеждой, которой не суждено было сбыться. Не прошло и месяца, как посыльный доставил черную весть из Валленштейна. Сеньора, доведенная до отчаянья, звала его обратно. Стояла весна, но она не радовала Джеральда. Ему казалось, что целый год он провел в подземелье, в черной башне, среди змей и лягушек, где ненасытная пиявица пила кровь прямо из сердца. Джеральд не замечал ни звонких голосов пробуждающегося от зимнего сна леса, ни ласкового света солнца. Как слепой ехал он среди весеннего великолепия.

Герцогиня встречает его в одной рубашке тончайшего полотна. Да хоть голая, он не заметил этого. Она жметя к нему, прикикая всем телом, но Джеральд оцепенел, как истукан. У него не осталось даже мыслей.

– Почему ты не любишь меня, Джеральд? – шепчет герцогиня. – У тебя где-то есть возлюбленная?

– Нет, – совершенно искренне отвечает Джеральд.

– Тогда люби меня.

– Я молод и неопытен в делах любви.

– Но у тебя были женщины!

– Нет, – лжет Джеральд, – отец держал меня в строгости.

Герцогиня пристально смотрит на рыцаря, не веря его словам. Но доказательства лжи у нее нет. За все время пребывания здесь Джеральда, его ни разу не застали с девушкой. Может быть там, в сенешальстве... Поди, проверь! Герцогиня улыбается змеиной улыбкой.

– Это к лучшему. Я сама обучу тебя всему. Обними меня, Джеральд, – и она прижимается к его груди.

Джеральд осторожно отползает от нее.

– Я боюсь, Ваша Светлость. Если герцог узнает, мне не сдобровать.

– Он ничего не узнает, этот старый хрыч. Не бойся, иди ко мне.

Герцог в это время сидел в потайной комнате и с восторгом подглядывал за своей суженой. Его очень веселило, как она пыталась улечься под этого малого. Такого он еще не видел! Как он допек его старуху, сама не своя стала. Что-то будет дальше?

Джеральд не знал покоя ни днем, ни ночью. Приставленный в свиту Ее Светлости, он повсюду сопровождал ее: он сидел подле нее на пиру, скакал рядом на охоте, по ее требованию подавал ей натянутый лук, поднимал и сажал в седло, а также снимал с коня. Только что в церковь она заходила отдельно, но и то ему надо было ждать ее на выходе. Джеральд похудел и осунулся. Он не спал ночами, а утром ходил, как чумной, ничего не соображая. Ему казалось, что все осуждают его, тыкают пальцами, смеются над ним. Все

были против него, и только добрый меч – за. Пока еще Джеральд сдерживался, но настанет, настанет день и час и тогда... Джеральд и сам не знал, что тогда. Известие, что ему предстоит отправиться в дальнее сенешальство, он воспринял с тупым равнодушием. Ничего не могло принести ему радость. Сенешаль весьма изумился переменам, происшедшим с Джеральдом. Этот угрюмый, молчаливый рыцарь ничем не был похож на того веселого, жизнерадостного, может чуть резкого парня. Он понимал, что у Джеральда какие – то неприятности в Валленштейне, если его в пятый раз гоняют туда – сюда, но ничем помочь не мог.

– Не спорь с сильным. Плетью обуха не перешибить, – говорил он Джеральду.

Джеральд молча выслушивал советы, хотя считал их пустым звуком. Когда через три недели посыльный привез весть, что Джеральда вызывают обратно, он воспринял это как должное.

– Ничего, Джеральд, – успокаивал его сенешаль, – все образуется. Перемелется – мука будет.

Джеральд соглашался, но вид у него был такой, словно он собирался на собственные похороны.

– Джеральд, я не могу без тебя, – причитала герцогиня. – Мы могли быть так счастливы. Почему ты такой?

Джеральд молча пожимает плечами. Другим он все равно не будет. Хорошо, плохо ли, но это так. Герцогиня приникает к его плечу:

– Люби меня, Джеральд!

Джеральд молча качает головой.

– Почему ты отказываешь?! У меня достаточно сил и влияния, чтобы защитить тебя от герцога. Да у меня все рыцари Валленштейна были в любовниках!

«Нашла чем хвастать, – думает Джеральд, – и принимала бы их всех вместе или каждого по отдельности. Чего ты ко мне привязалась?!»

– Вы можете защитить меня от герцога, – наконец говорит он. – Но никому не в силах уйти от гнева Верховного Сюзерена. – Джеральд показывает на потолок. – Прелюбодеяние – великий грех, и адские муки ждут совершившего его.

У Джеральда всплывают в памяти слова проповедника. Чего он только не наслушался в монастыре.

– Ты заговорил как Святой Отец, – иронически цедит герцогиня.

Глаза Джеральда проясняются. Вот он – выход!

– Я был послушником в монастыре, – сообщает он. – Безвременная кончина моего батюшки помешала мне принять постриг, о котором я мечтал.

Герцогиня изумленно смотрит на Джеральда.

– Ты – в монахи! – она заливается звенящим смехом.

– Не вижу в этом ничего смешного, Ваша Светлость. – Джеральд говорит спокойно, даже торжественно. – День и ночь я истязал себя постом и молитвой, ибо слаб человек, но Господь милостив и...- Джеральд выдает длинную цитату по – латыни. Он не помнит, что она значит, но проповедник любил ее повторять.

Герцогиня всматривается в ясные безмятежные глаза Джеральда. Она все еще сомневается, потом хлопает в ладоши, призывая служанку:

– Книгу!

Служанка приносит потрепанный фолиант. Герцогиня раскрывает ее и тычет пальцем в страницу:

– Читай!

Джеральд всматривается в буквы. Нет, это не латынь. Он медленно начинает читать:

– Король Марк любит Изольду великой любовью, а она не любит его, ибо всем сердцем предана Тристану.

Герцогиня напряженно слушает, потом переворачивает несколько страниц.

– Здесь!

Джеральд читает. Он начинает привыкать к почерку писца, легче узнает буквы и увереннее звучит его голос:

– Тристану сообщили, что королева заключена в башню и что никто не может с ней видиться без разрешения короля. И он сокрушается и говорит себе, что во веки не знать ему радости.

Герцогиня выдергивает книгу из рук Джеральда и с треском захлопывает ее.

– Поди от меня!

– Как угодно Вашей Светлости, – кланяется Джеральд.

Вечер. Джеральд наблюдает, как Хэмминг застилает ложе.

– Совсем тебя наша Светлость доконала, – тихо говорит ему рыцарь, с которым у Джеральда были довольно близкие отношения.

– Да отрепал бы ты ее как следует, отстала бы, – советует рыцарь.

– Не могу, – с тоской признается Джеральд. – Верить ли, рад бы – да не могу.

К разговору прислушивается Вольфганг. Вот значит как. Он смотрит по направлению взгляда Джеральда и видит Хэмминга, юного золотоволосого отрока, который что – то напевает звонким голосом.

– Содомит! – вспыхивает мысль в мозгу Вольфганга. И как сразу не догадался! К Вольфгангу подходит служанка и передает просьбу сеньоры.

Потом, когда они усталые лежали на ложе, герцогиня вспоминает Джеральда:

– Поверишь ли, Вольфганг, – говорит она, – оказывается, Джеральд готовился принять постриг.

– А! – равнодушно отзывается Вольфганг. – Тогда это не удивительно.

– Что? – интересуется герцогиня.

– Что Джеральд подвержен содомскому греху, – само собой разумеющимся тоном сообщает Вольфганг.

– Как?! – восклицает герцогиня. Смятение чувств охватывает ее.

– В монастыре это часто бывает, – поясняет Вольфганг. – Женщины его не интересуют, зато у него есть удивительно милый слуга, которого он везде таскает с собой и спит с ним на одном ложе.

Герцогиня слушает Вольфганга, и мысли лихорадочно бегут у нее в голове: «Джеральд! Не может быть! Ни с одной женщиной! Красивый слуга». Вспомнились слова колдуньи:

– Не гневайся, благодетельница! Заколдовали твоего рыцаря. Великим заклятием он заклят, великим заговором заговорен. Тот колдун всегда рядом с ним, с одного стола ест, с одного кубка пьет. Пока он есть – не будет нам успеха.

Герцогиня в возбуждении села на ложе.

– Как его зовут?

– Слугу? – недоуменно переспросил Вольфганг. – Хэмминг, кажется. Он еще отрок.

– Мал, да удал, – зло отрезала герцогиня.

Весь следующий день она не находила себе места. Неужели права бабка, и какой – то мальчишка смог приворожить Джеральда? Вечером, не в силах больше терпеть, она послала за ним служанку. Сегодня Джеральд будет ее, несмотря на злокозны всех колдунов.

Джеральд собирался спать, когда ему сообщили, что его желает видеть Ее Светлость. «Разодрало ее на ночь глядя», – угрюмо думал он, поднимаясь в покой

госпожи. Служанка открыла перед ним дверь, а сама поспешила удалиться, унося факел. Джеральд остался в крошечной темноте, один мерцающий огонек в глубине залы освещал расстеленное ложе. Начало совершенно не понравилось Джеральду, и зашел он с тяжелым чувством. Герцогиня приподнялась на ложе. Она была одета в тончайшую рубашку без рукавов. Факел бросал свет на лицо и шею, где светилось матовым блеском жемчужное ожерелье. Глубокая тень падала на обнаженные руки и декольте. Джеральда охватила тревога.

– Извините, Ваша Светлость, меня не предупредили, – начал Джеральд, пятась к выходу, где в крошечной тьме невозможно было различить, где дверь, а где стена.

– Джеральд, дорогой, я так ждала тебя! – герцогиня пыталась придать своему голосу как можно больше нежности, но Джеральду послышалась угроза в ее шелестящем шепоте. Дама встала с ложа и скользнула к юноше, ее руки обвились вокруг него, пальцы на ощупь расстегивали застежку плаща, а губы впились в шею. Джеральд вздрогнул, как от удара плетью, резко вскинул руки, освобождаясь от ее объятий. Он словно клещами сжал ей запястья и толкнул прочь от себя. Герцогиня отлетела на ложе, но тут же приподнялась, готовая к новой атаке. Джеральд увидел ее искаженное лицо, и, не дожидаясь пока она доберется до него, распахнул дверь и вылетел в темный покой.

– Эй! Кто тут! Воды! Госпоже плохо! – во весь голос крикнул он.

Услышав топот ног и шелест платьев, Джеральд быстро направился к выходу из женской половины. Глаза привыкли к темноте, кое-где горели факелы. Джеральд спустился по лестнице и вошел в рыцарский зал. Он добрал до своего ложа и упал на него.

– Хэмминг, вина!

Слуга Джеральда, который, услышав шаги господина, сразу же вскочил, взял факел и отправился в подвал.

Тем временем служанки отливали водой сеньору, которая билась в припадке. Она сползла с ложа, колотилась головой об пол, застеленный дорогими коврами, и выгибалась дугой. На губах пузырилась пена.

– Хэмминг! Колдун проклятый! Это он! Все он! – орала герцогиня.

– Ее Светлость околдовали! Испортили госпожу! – вопили служанки.

Послали за герцогом. Его Светлость счел необходимым лично посетить свою благоверную. Герцогиня, которая начала было успокаиваться, увидев мужа, изобразила корчи и, биясь головой о ковровую занавеску, завопила с новой силой. Служанки охали и ахали, пытаясь привести ее в чувства.

– Кто этот Хэмминг? – спросил герцог у своих приближенных, критически разглядывая беснующуюся среди разбросанных подушек и покрывал супругу.

Приближенные переглянулись, вспоминая. Герцог ждал ответа. Наконец кто-то вспомнил:

– Так зовут пажа мессера Джеральда...

– Немедленно взять и допросить с пристрастием, как он околдовал Ее Светлость и по чьему наущению, – приказал герцог.

К сеньору протиснулся один из его доверенный слуг и что-то тихо проговорил ему на ухо. На лице Его Светлости появился неподдельный интерес, и он даже захихикал от удовольствия.

– Не калечить и лицо не трогать, – дополнил он свое распоряжение.

Слуга кинулся сообщать веление хозяина замка.

Хэмминг в очередной раз спустился в подвал, когда к нему подошли двое мрачных личностей.

– Хэмминг? – спросили они, осветив лицо факелом.

– Да, – отозвался отрок.

– Повелением герцога Лоннуа ты арестован. Ступай за нами.

У Хэмминга подкосились ноги. Он поставил сразу отяжелевший кувшин на пол и с минуту не мог вымолвить ни слова.

– Пошли! Долго ты еще стоять будешь?

– Но... – Хэмминг переводил растерянный взгляд с одного стража на другого. – За что?!

– Ха! Он еще спрашивает! Пошли! Шевели ногами!

Хэмминг побрел за ними. Рой всевозможных мыслей и ужасных предположений теснился в голове. Он ни в чем не виноват. Почему? За что? Может из-за господина? Вернулся он не в себе, второй кувшин вина потребовал, явно неспроста. Но если бы им угрожала опасность, господин предупредил бы, в этом Хэмминг был уверен, как и в том, что господин не мог сделать ничего против сюзерена. Значит, клевета. Но кто? Зачем? И что делать? Хэмминга вели напрямиком в казематы, где у герцога располагался застенок. Хэмминг понял, куда его ведут, и страх, жуткий, всеобъемлющий наполнил его душу. По спине побежали мурашки, а рубашка намочила от пота. На лбу выступила испарина.

– Я ни в чем не виноват, – проговорил Хэмминг, с ужасом оглядываясь по сторонам.

– Его Светлость разберется, – был ответ.

Хэмминга втолкнули в камеру. Здесь уже горела жаровня. Палач раскладывал свои приспособления, от одного вида которых мороз пробежал по коже.

– Этот колдун, что – ли? – палач с сомнением разглядывал Хэмминга. – Тебе зим – то сколько?

– Четырнадцать, – клацая зубами, прошептал Хэмминг.

– И уже колдуешь? Кто же тебя выучил?

«Какое колдовство? – подумал Хэмминг. – Бред!»

– Клевета! Оговорили! – в отчаянье закричал он.

– Все так по началу говорят, – ухмыльнулся палач. – Ты лучше сразу во всем признайся. Сеньор милостив. Он пожалует тебя легкой смертью.

– Не в чем мне признаваться! – из глаз Хэмминга брызнули слезы. Ему не верят! Болтают что-то о колдовстве. И не докажешь ничего. Вон, уже клещи тащат.

– Нет! Не надо! Нет! – в ужасе закричал Хэмминг.

– Что, поглядел? – говорил палач. – Не хочешь на своей шкуре испытать, что это такое? Тогда рассказывай, как ты околдовал Ее Светлость герцогиню!

– Я? Нет! Как же я мог? Да я никогда! Не надо меня! Нет! Я ни в чем не виноват!

Крики Хэмминга совершенно не трогали палача. Он и не такого наслушался за много лет своей деятельности.

– Ясно. Упорствуешь, значит. Раздевайте его, парни.

С Хэмминга стащили рубаху. Он остался совсем голый, озноб сотрясал его тело.

– Боишься, а упорствуешь, – увещевал его палач, клацая клещами. – Сознаться, кто подговорил тебя испортить Ее Светлость?

– Нет! Никто!

– Значит, сам додумался?

– Нет! Я не умею колдовать! Это ложь! – по щекам Хэмминга бежали слезы.

– Не хочешь сознаться? Прижгите его, ребята. Морду только не трогайте: Его Светлость велел не уродовать.

Хэмминг дико закричал от боли и ужаса, когда каленое железо припечаталось к плечу. Он выл, стонал и бился в оковах, которыми его притянули к стене. Ему показалось, что прошла целая вечность в адских мучениях, когда в застенок пожаловал Его Светлость герцог собственной персоной.

– Хм, – сказал герцог, разглядывая Хэмминга. – Посветите!

К лицу отрока, едва не опаливая волосы, поднесли факел.

– Каков гусь! – покачал головой герцог.

Сейчас, с всклокоченными волосами и перекошенным от ужаса лицом, Хэмминг ничем не напоминал ангелочка, баловня служанок, каким он был. Но герцог умел смотреть и видеть. Он подошел ближе, поднял левую руку Хэмминга, на которой был железный браслет.

– Холоп, значит.

– Да, Ваша Светлость, Его Милости сэра Джеральда.

Герцог опять окинул Хэмминга пристальным взглядом, словно на рынке, собираясь дать хорошую цену, и обратился к палачу:

– Сознался?

– Нет, Ваша Светлость, – ответил палач, – но мы только начали. К утру...

– Ваша Светлость! – завопил Хэмминг истошным голосом. – Пощадите! Нет моей вины! Все клевета! Пощадите, Ваша Светлость!

Хэмминга ударили по губам, чтобы он замолчал. Кровь алой струей побежала по груди. В глазах герцога вспыхнули веселые огоньки.

– Хватит! – объявил он. – Завтра объявит Божий Суд.

– Но пристало ли... – начал один из приближенных.

– Пристало! – оборвал его герцог, круто разворачиваясь, чтобы выйти из камеры.

– Воля Вашей Светлости, – пробормотал палач, делая знак помощникам отвязать Хэмминга и убрать орудия пыток.

Хэмминга заперли здесь же, и он погрузился в оцепенелый ступор. Он был слишком подавлен, чтобы выдержать сражение даже с ровесником своего звания. Ни о чем другом он старался не думать, как не думают о неизбежности смерти.

Джеральд, отослав Хэмминга за вином, пил кубок за кубком в ожидании своего слуги, а он как сквозь землю провалился. Рыцарь и подумать не мог, что отрока схватили по приказу герцога и поволокли в застенок. Он злился, думая, что мальчишка пошел слушать сказки, и забыл о своем господине. Наконец, хмель одолел рыцаря, и он свалился в пьяном забытье.

Утро пришло вместе с головной болью. Джеральд с трудом разлепил глаза, вяло соображая, что с ним. Горло пересохло, страшно хотелось пить. И Хэмминга куда – то бесы унесли. Где он шляется? Вчера пошел за вином и пропал. И сегодня его нет с утра пораньше. Лодырь чертов. Джеральд приподнялся на лавке, и в тот же момент скрипнула дверь и какая – то девка бочком – бочком приблизилась к нему.

– Доброе утро, милостивый сударь, – подобострастно улыбаясь, приветствовала она рыцаря.

– Чего надо, потаскуха?! – Джеральд поднял на нее мутные глаза. Девка устроилась рядом, доставая его рубашку.

– Позвольте, милостивый сударь, я помогу вам одеться, – запела она.

– Ступай лучше, найди моего обалдуя! Куда он провалился? – Джеральд нудно ругался, надевая поданную рубашку, а девка, ловко пришнуровывая рукава, трещала:

– Так вы ничего не знаете, милостивый сударь? Хэмминга вашего Его Светлость приказал в застенок бросить и пытаться, пока он не сознается, кто подучил его околдовать нашу госпожу светлейшую герцогиню.

Джеральд вздрогнул как от порыва ледяного ветра. Резко обернувшись, он схватил девку за руку, рывком поворачивая ее к себе.

– Что за чушь ты несешь?

– Истинная правда, милостивый сударь, – залопотала девка. – Под дверьми стояла ждала, когда вы изволите проснуться, чтобы все вам рассказать. Пытали вашего отрока огнем и щипцами...

Голова у Джеральда стала абсолютно ясной. Он понял, в какой жестокий переплет попал. Хэммингу кулак издали покажи, он в ногах будет валяться и пощады просить, а под щипцами и взрослые мужи оговаривали себя и других.

– Он сознался? – хрипло спросил Джеральд, как-будто девка могла что-то знать. Но она, видимо, знала все.

– Не сознался, милостивый сударь, – тараторила она. – Под пыткой показал, что клевета все и злобный навет, а Его Светлость изволил назначить Божий Суд, потому как, – девка понизила голос, – обвинила Хэмминга сама Ее Светлость.

– А ты откуда знаешь? – горло Джеральда перехватили спазмы, и он говорил свистящим шепотом, не отпуская руки девки. Глаза его потемнели, нарастающая ярость зажигалась в их глубине. Вот она – месть герцогини. Отыгралась. Хэмминга в застенке замучают, а что будет с ним, с Джеральдом? пытки и костер? Нет, лучше погибнуть в бою. Ведь герцог назначил Божий Суд. Между тем, девка продолжала:

– Замок слухами полнится. Люди говорят, а я вам пришла сказать. А вы, милостивый сударь, отпустите руку, а то как же я вам рукав дошнурую.

Джеральд разжал пальцы. Он сразу осунулся. На лице обозначились скулы, а на лоб легла глубокая морщина. Но решение было принято. Он выйдет биться с любым рыцарем, которого выставит герцогиня. И спасет не только жизнь своего слуги, но и собственную честь, ибо нельзя жить с пятном позора.

Девка сказала правду. Господь знает, откуда она все узнала, но после завтрака герцог собрал своих вассалов и чуть не дословно повторил тот же самый рассказ, упомянув, что дело будет решаться на Божьем суде. Рыцари расходились, пожимая плечами и стараясь не встречаться взглядом с Джеральдом.

– Стоит ли огород городить из-за какого-то холопа, – доносились до ушей чьи-то слова. – Виноват он или нет, какая разница. Достаточно того, что Ее Светлость показала, ну и сжечь его, а сэру Джеральду выдать откупного марок в пять. Больше все равно мальчишка не стоит.

Раздражение и злоба с новой силой охватили Джеральда. Оценили его верного слугу. Бросить марок пять, как собаке кость, подавись, мол, ей. Джеральд вышел во двор пунцовый от гнева и подставил разгоряченное лицо холодному осеннему ветру. Здесь шли приготовления. Слуги отгораживали место для поединка, вынесли резное кресло для герцога. Постепенно собиралась толпа посмотреть на интересное зрелище. Наконец вышел герцог и, усевшись на трон, распорядился привести обвиняемого. Джеральд напрягся, непроизвольно сжав кулаки. Толпа смолкла, увидев, как стражники выводят Хэмминга. Он не мог идти, его подтащили к столбу, вокруг которого были сложены вязанки хвороста, и привязали за руки. Хэмминга трясло от ужаса. На бледном лице выступили капли пота, а посиневшие губы шептали обрывки молитв. Он не различал лиц в толпе, не понимал речей. Голоса сливались в единый гул. В голове билась одна мысль: «Господи! Господи! Господи!» Ноги не держали, но привязанный за руки, он не мог опуститься и привалился к столбу. Палачов подмастерье присел рядом на вязанки хвороста. Отсюда прекрасно было видно и герцога с герцогиней, и ристалище. Глянув на Хэмминга, которого колотил озноб, он усмехнулся:

– Что, дрожишь? Сейчас костерок разведу, мигом согреешься.

Хэмминг не воспринял дурной шутки. Он плохо понимал, что происходит вокруг, и только ожидание собственной мучительной смерти терзало его. Джеральд смотрел на тонкую хрупкую фигурку своего отрока. Ветер продувал насквозь рубаху без рукавов. На плечах и груди багровыми пятнами легли следы ожогов. Сердце рыцаря сжалось. Он понял, как дорог ему этот паренек, и с новой силой вспыхнула ненависть к герцогине. Вот она сидит, змеища, и горя ей мало. Ничего, он заставит ее рыдать и плакать.

Герцогиня шурилась в улыбке. Сейчас ее соперник превратится в золу.

– Этот мерзостный колдун хотел погубить меня! – крикнула она, указывая на Хэмминга. – Смерть ему!

– Что он скажет в свое оправдание? – спросил герцог.

Хэмминг не ответил. Подмастерье дернул его за край рубахи. – Что молчишь? Говори! – зашипел он.

Хэмминг поднял голову, обвел всех полубезумным мутным взглядом.

– Нет! – вырвалось у него.

– Он отрицает свою вину, Ваша Светлость, – доложил палач, – а под пыткой он показал, что это ложь и клевета.

Герцог поднял руку, призывая к всеобщему вниманию.

– Я думаю, – начал он, – любой из собравшихся здесь рыцарей выйдет мечом доказать правоту моей светлейшей супруги. А ежели до полудня не найдется желающий встать на сторону одного юного отрока, то признать его колдуном, злоумышлявшим на Ее Светлость и сжечь, – и герольды повторили слова сеньора.

Герцогиня поджала тонкие губы. Зачем нужно устраивать это представление? Свою справедливость показать хочет? Перед кем? Кому нужен этот холоп, биться за него. Над площадью повисла напряженная тишина, а шепот бил по ушам:

– Откуда же взяться рыцарю, если сэр Джеральд не встанет на защиту? С неба он не упадет! – переговаривалась челядь.

– Нужен он больно, жизнью за него рисковать. Не повезло малому. А какой он колдун? Смех один!

– Кому смех, а кому слезы.

Джеральд начал успокаиваться. Все просто и ясно. Он еще раз взглянул на Хэмминга, который бессмысленным взором озирает толпу, на хищный оскал герцогини. Он чувствовал, что все ждут его, его решения, его поступка. Джеральд откинул волосы со лба и медленно вышел вперед. Напряжение достигло предела. Улыбка сползла с лица герцогини. Она в недоумении смотрела на свою недавнюю любовь. Что еще такое? Зачем он вышел? Джеральд заговорил, и его голос, глухой поначалу, становился крепче, звонче, зазвенел металлом.

– Ваша Светлость! Кто бросал камень в моего человека, метил в меня, ибо кто же поверит, что господин не знал, чем занимается его слуга. Мое честное имя покрыто позором, и лишь кровь может смыть бесчестие. Своим мечом я докажу ложность всех обвинений, выдвинутых против меня и моего человека, и биться я буду насмерть, так как честь для меня дороже жизни.

Джеральд поднял голову, глядя прямо в глаза герцогу. Ветер трепал его длинные волосы, развевал края плаща. Толпа громкими криками приветствовала слова рыцаря. «Каков, однако, – думал герцог, – как вывернулся! Честь он свою защищает! И к словам не придерешься, если правды не знать. Умен!» Герцогиня, резко обернувшись к мужу, воскликнула:

– Ты не позволишь ему биться!

– Отнюдь, – покачал головой герцог, – это его право.

Подмастерье палача опять начал дергать рубашку Хэмминга.

– Слышал? Твой господин что сказал? Биться за тебя будет!

Словно разошелся туман, и Хэмминг увидел своего господина. Надежда затеплилась в его сердце, но тут же погасла. Значит, они погибнут вместе – со всей ясностью понял он – в один день и час. Нет! Господин должен жить! И есть ли что –нибудь страшнее: своими глазами увидеть гибель господина? После этого не стоит жить!

Тем временем от группы рыцарей отделился Вольфганг. Настал его час, час его мести за поражение, его реванш за унижение. Наконец он сможет раздавить эту гниду, которая целый год отравляла ему существование.

– Ваша Светлость, – сказал он, – сэр Джеральд сам признался в своей вине и не может быть ему оправдания. Он науськал слугу колдовством извести Ее Светлость, нарушив тем самым клятву верности. Мой меч покарает злодея как должно, но смерть в бою слишком почетна для презренного колдуна. Я не стану убивать его, что бы его могли сжечь на одном костре вместе с любезным его сердцу отроком.

Кровь бросилась в лицо Джеральду. Он хотел высказать Вольфгангу все, что он думает о его верности сюзерену, но Его Светлость опередил его:

– Ведите битву мечом, как пристало мужам, а не трепите языком, словно вздорные бабы. Господь рассудит, кто прав.

Джеральд поклонился и отправился одеваться для боя. Несколько челядинцев увязались за ним, помочь сэру рыцарю надеть доспехи и оседлать коня. Джеральд принял их услуги как должное, не задумываясь с чего бы челядь решила утрудить себя для чужого господина. Предвкушение боя охватило его. Джеральд не сомневался, что Вольфганг серьезный противник и не легко будет отправить его к праотцам. Он был старше и опытнее Джеральда, прошел не одну битву. А Джеральд? По большому счету такие, как он еще носили оружие за своими сеньорами. Но Джеральд давно не носил ни за кем копья.

– Не беспокойтесь, Ваша Милость, уложите сэра Вольфганга, – приговаривал слуга, затягивая ремни наручей. Джеральд не слушал.

– Коня седлают? – спросил он.

– Пошли люди.

– Хорошо, – Джеральд поднялся со скамьи. Слуга подал ему Глитнир. Джеральд ощутил привычную тяжесть меча и успокоился. Он искоса посмотрел, как оруженосцы собирают Вольфганга и усмехнулся. Подвесив к поясу меч, он прошел на конюшню. Его добровольные помощники, подхватив копьё и щит, последовали за ним. Только услышав непотребную брань конюха Джеральд понял, что совершил непростительную ошибку: ему самому надо было взнудать и оседлать Огонька. Вольфганг уже сидел в седле, а Джеральд ждал, пока конюхи вчетвером сладят с его кастильцем. Он слышал недовольное фыркание и ржание, потом топот копыт, и вот Огонек вынесся из денника, таща повисших на узде конюхов. Седло болталось под брюхом. Джеральд шагнул навстречу жеребцу.

– Стоять, Огонек, – властно крикнул он.

Услышав знакомый голос и узнав хозяина, скакун остановился. Он грыз удила и бил копытами.

– Огонек, Огонек, хороший конь, – заговорил с ним Джеральд, подходя ближе и положив руку на загривок. Другой рукой он взял коня под уздцы. Огонек начал успокаиваться, перестал хлестать хвостом по бокам и потянулся губами к щеке хозяина. Осмелевшие конюхи подползли к жеребцу и, пока Джеральд держал его, затянули подпруги. Огонек косился на них, но стоял смиренно, доверяя своему властелину.

Вольфганг заждался соперника. Народ громко переговаривался, строя догадки, куда делся защитник Хэмминга, когда, наконец, Джеральд выехал на ристалище. Он сидел на коне как влитой. Солнце играло на конце копья, золотило звенья кольчуги.

– О! – пронесся по толпе возглас восхищения.

Джеральд остановился напротив Вольфганга и опустил копье. Он слышал стук своего сердца, которое учащенно билось о ребра, отдаваясь в шею и в виски. Стало жарко. Рубашка взмокла от пота. Сквозь узкую щель забрала Джеральд видел червленое поле щита противника. Рука крепче сжала копье. Взмах руки герцога. Герольды протрубили к бою. Джеральд тронул шпорами Огонька и помчался навстречу Вольфгангу. Копья врезались в щиты, деревянные древки сломались, осыпались щепками, а рыцари развернули коней, обнажая мечи.

– А! – орала толпа.

Палачов подмастерье возбужденно подпрыгнул на вязанке хвороста. Хэмминга бросило в жар. Сердце зашлось стуком, как копыта скакуна в галопе.

– Господи! – прошептал он.

Рыцари съезжались для новой схватки. Вольфганг понял, что Джеральд сильнее, чем он думал. Легкой победы не получилось, и судьбу решали мечи. Джеральд взмахнул Глитниром и тяжело обрушил его на шлем Вольфганга, намереваясь с одного удара покончить с противником. Вольфганг успел отбить удар, и завязалась крутая сеча. Джеральд, нанеся удар первым, почувствовал спокойную уверенность. Вольфганг отбивался, но перейти в наступление не мог. Звенело железо на тинге мечей, где испытывали силы два ясеня сражений. Удар. Еще удар. Вольфганг еле успел встретить Глитнир своим мечом, а Джеральд вновь заносил клинок. «Моя победа, моя! – думал он. – Сейчас я отправлю тебя в ад, ведьмин прихвостень. Получай! Получай!»

У Вольфганга достало умения выдержать первый натиск, но напрасно он ждал, что усталость веригами повиснет на руках соперника. Джеральд не чувствовал утомления. Легко взлетал вверх Глитнир, и рубил, рубил, вгрызаясь в щит Вольфганга. Джеральд слышал вой толпы, и новые силы вливались в него. Он словно летел – предводитель небесного воинства, и меч в его деснице – луч сражений – невесомый и острый. Вновь взметнулся он кверху. Вольфганг поднял оружие, прикрывая голову, но Джеральд изменил направление удара, и с силой рубанул по корпусу. Хлынувшая кровь обагрила клинок, и Вольфганг, выброшенный из седла страшной силы ударом, распластался на земле. Во внезапно наступившей тишине слышен был тонкий визг герцогини.

Джеральд спешил, подошел к поверженному врагу. Вольфганг был еще жив. Он корчился, хрипя от боли, а кровь булькала, растекаясь лужей и медленно впитываясь в песок. Джеральд поднял забрало, оглянулся на герцога. «Вот и все, – подумал герцог, – не все же Вольфгангу кичиться, считая, как ловко он обманывает сюзерена. По деньгам и расплата», и крикнул победителю:

– Проявите милосердие, сэр Джеральд!

Джеральд вновь обнажил меч и, подойдя ближе, с силой вонзил клинок в грудь умирающему, обрывая его жизнь. Глаза герцогини закатились, и ее голова упала на спинку резного кресла. Рыцари молча наблюдали, как Джеральд выдернул окровавленное лезвие и вытер клинок о землю, прежде чем вложить его в ножны.

– Отпустить мальчишку, – приказал герцог и поднялся со стула.

Рыцари, опустив головы, последовали за сюзереном. Служанки хлопотали вокруг госпожи, приводя ее в чувства. Подбежавшие слуги и оруженосцы Вольфганга бережно укладывали тело своего сеньора на плащ. Любопытные стали медленно расходиться. Представление закончилось. Подмастерье перерезал узлы на руках Хэмминга и ухмыльнулся:

– Не пришлось тебе погреться.

Хэмминг опустил на вязанку. Озноб с новой силой принялся трясти его, и он клацал зубами, дрожа то ли от холода, то ли от пережитого страха. Сжавшись в комок, он расширившимися глазами смотрел, как к нему приближается сэр Джеральд, властитель его души и тела.

– Чего ждешь? – бросил ему Джеральд. – Второго пришествия? Конем займись, а потом ступай, отдохни. Будешь нужен – позову.

Хэмминг быстро закивал головой, а на глаза уже навертывались слезы, и вот они ручьем покатались по щекам. Джеральд бросил ему поводья Огонька и тяжелой походкой безмерно уставшего человека отправился в зал, на ходу расстегивая ремешки шлема. Хэмминг прижался к шее скакуна и разрыдался, дав волю слезам. Происшедшее казалось страшным сном и прошло, точно кошмар, оставив тяжесть на душе и багровые следы ожогов на теле. Из веселого певучего парня Хэмминг надолго превратился в угрюмое забитое существо с полоумным взглядом.

– Испортили слугу, – с раздражением думал Джеральд. – Куда его такого? Ходит – еле ноги таскает. За что ни возьмется – все из рук валится. Смотрит – не видит, говоришь ему – не слышит. Пригрозишь – сразу: «Господин, пощади!» – и в ноги. Сил никаких нет. А тут еще родичи Вольфганга распрю объявили: их любимый брат в ад отправился, так они желают взискать кровью за кровь. Джеральд как услышал такое заявление, сразу предложил: «Кто выйдет первым на битву, господина?» У них боевой пыл тут же и иссяк, а так Его Светлость их вызвал и резко посоветовал забыть о той распре и примириться с Джеральдом. Мол, достаточно кровопролития. Вольфганга постигла кара Божия, а Джеральд – лишь орудие в руках Господа. Родичи покочевряжились, но пошли на мировую, трижды облобызавшись с Джеральдом.

Джеральд чувствовал растущую напряженность. Он не верил родичам Вольфганга, которые ждали удобный момент для отмщения. Герцогиня копила яд, и хотя пока она была неопасна, так как приходила в себя после изгнания из нее бесов по велению герцога, но можно было не сомневаться, что она поставила своей целью доконать Джеральда и, в конце концов, добьется своего. Оставаться в замке было просто опасно. Джеральд решил снова отправиться в путь.

Безумие потихоньку начало сходить с Хэмминга, взгляд его приобрел осмысленность, а движения былую сноровку, и Джеральд понял, что – пора. Он предстал перед Его Светлостью и попросил отпустить его. Как раз Папа скликал людей в крестовый поход против неверных. Герцог слушал сбивчивую речь Джеральда и думал о своем. Нет, он не собирался задерживать его. Пусть едет. Освободить Гроб Господень или еще куда – это его дело. Он достаточно повеселил герцога за эти полтора года и достойно завершил свое пребывание в Лоннуа.

– Я не стану удерживать вас, сударь, хотя мне жаль расставаться с вами. Вы показали себя верным вассалом и прекрасным бойцом. Я благословляю вас на подвиги. Когда же их совершать, как не в молодые годы. За верную службу я жалею вас...

Герцог снял с пальца тяжелый золотой перстень с огромным изумрудом и протянул его Джеральду. Рыцарь, не ожидавший такой щедрости, стоял, словно оглушенный громом, прежде чем принял дар, с низким поклоном целуя руку сюзерена. Герцог приказал сенешалю отдать Джеральду его годовое содержание, так что уезжал он не с

пустыми руками. Покинув Лоннуа, они двинулись на юго-запад, вслед за уходящим летом.

По прошествии лет, вернувшись обратно, Джеральд узнал, что герцог умер. С наследником его ничего не связывало, потому он даже не стал заезжать в замок, а отправился искать лучшей доли. Он ищет ее уже семь лет, а нашел лишь рубцы на теле... Дорога бежала вперед, и Джеральд ехал навстречу своей судьбе.